

В нее влюбляешься сразу, с первых минут, слов, жестов — и навсегда. Но не скоро я это понял! И было страшно обидно, что в Ахеджакову, оказывается, влюблен не я один. Эльдар Александрович Рязанов вот тоже любит ее. И написал о ней трогательные строки:

«Лия Ахеджакова... актриса уникального таланта, неограниченных внутренних ресурсов. В своей трактовке роли никогда не бывает однозначна, прямолинейна: она одновременно трагическая и комическая, смешная и трогательная. Актриса, игру которой не предугадаешь, не предусмотреть. Любая режиссерская схема будет беднее и слабее того, что она может создать, став вашим единомышленником. Ее огромные мятежные глазницы излучают свет, притягательность, боль, нежность, и все это проникает в сердца зрителей. Природа редко сотворяет чудо. Но в случае с Ахеджаковой ей это удалось».

— ОН ТАК хвалит, потому что считает: «Нужно Лелька поддержать. Вот напишу, что никого лучше нет!» — улыбается Лия Меджидовна уголками глаз. — Я и так знаю, что он меня любит, зачем мне в газете подтверждение? Это для папы и мамы, они там прямо обмирают, перечитывают по десять раз.

Знакомство наше с Эльдаром Александровичем началось с того, что я решительно отказалась сниматься в «Иронии судьбы»: «Уж очень маленькая роль, и делать там нечего!» Он ответил: «Запомните на всю жизнь то, что я вам сейчас скажу. Лучше сыграть маленькую роль у хорошего режиссера, чем главную роль у плохого».

Это я потом уже поняла: какой режиссер, такая и актриса. Вот Рязанов отличается тем, что на него можно понадеясь — он не подведет. А снять плохой фильм, где твоя роль будет незаметна, прощит, и все твои потуги, все усилия останутся за кадром... разве это не предательство по отношению к актерам?

— Вернемся к началу. Итак, вы решили стать артисткой — девочка из театральной семьи, папа режиссер в театре, мама артистка — куда же еще?

— Что вы! Что вы... Родители и в страшном сне не желали мне такого пути.

Они в трудные годы работали в театре. Провинциальный послевоенный театр — это нечто особенное. Об этом надо еще писать, рассказывать.

Мы жили в Майкопе, но фактически это была голодная, тяжелая жизнь без дома, без семьи, на колесах — в разбитых автобусах, теплушках. Случалось, нам приходилось пропускать школу. Город маленький, зритель мог три раза посмотреть спектакль — и все! А значит, надо было пропахать весь Краснодарский край, выступая в клубах, а то и где придется.

Меня поражало, что зрителям нравились криволинейные, белые парики, корсеты, наклеенные ресницы. Вот если выходит артист в лосинах, и еще кто рядом в криволинейных, и что-то из другой жизни, из другого века — весь зал плачет! Хотелось, понимаете, красивой жизни! Безрукие, безногие в зале сидят, с культиями, на костылях, бабы с обмороженными синими руками, дети... ну как же они любили поплакать над этой жизнью с графами, с балами. Их это трогало.

Родители, повторяю, даже слышать не могли, чтобы я пошла в театральный...

— И вы самостоятельно приняли решение?

— Я не верю, что можно принять в 17 лет решение. Жизнь вносит такие серьезные поправки... Я хотела быть железнодорожником и журналистом. И что? Впрочем, мне рассказывала одна женщина, она училась с Олегом Николаевичем Ефремовым где-то в пятом классе, что, когда учитель спросил: «Кем ты, Олежек, хочешь быть?», он встал и ответил: «Хочу быть главным режиссером театра!»

Вы знаете, у Ренуара была теория поплавок. Вот как поплавок плывет по течению, и ладно, и тебе же лучше плыть, куда вынесет, и бороться с течением бессмысленно.

— Вы тоже согласны с этой теорией?

— У каждого наступают моменты в жизни, когда надо взять себя за волосы, вытащить из этого потока, вытряхнуть и начать плыть сначала. Может быть, даже в другую сторону, против течения.

Я приехала в Москву поступать на факультет журналистики. Казалось — вот самое прекрасное. И... засыпалась. Вернулась в общежитие на Стромынку, легла на кровать лицом к стене и так пролежала три дня.

Потрясение было страшное. Какой уж тут «поплавок»! Поступила в институт цветных металлов и золота — знаете, на Октябрьской? — проучилась полтора года и поняла — не мое! И ушла! Пробовалась во все театральные институты — за браковывали решительно. Таланта не находили. Может быть, его и нет, и не было никогда. Но страсть была! Вот этот единственный признак у меня и был всю жизнь.

Я до сих пор задумываюсь — без кокетства вам скажу — правильно ли, что я артистка. Всю жизнь сомневалась, есть ли эта одаренность. Но страсть есть. Я знаю это точно.

— Как вы привыкли к Москве?

— Ужасно! Я эту Москву очень тяжело пережила. Первый удар — когда верну-

жение в себя, в обстоятельства роли, пьесы... Это называют вдохновением? Почему оно покидает?! Это непонятные законы, непонятные.

Но есть актеры, к которым вот эта свобода часто приходит. Олег Даль был всегда свободен. Он легко играл. У него не было страха, комплекса. У него был счастливый дар, что вроде бы все — без труда. Хотя он трудился, это был трудяга, но в другом смысле. Без мучений, без ненужного самокопания.

— Вы имеете в виду внутреннюю раскованность?

— Нет, раскованность — это другое. Раскованная сейчас молодежь на улице. А свобода — это высшее проявление таланта и личности. Я это четко сформулировать не умею, я не теоретик. Мне кажется, у Чуриковой есть такое дарование.

— А у Фаины Григорьевны Раневской?

— Не знаю... Думаю, что мучилась. Но

Воскресные ВСТРЕЧИ

...Как мается душа

У нас в гостях
заслуженная артистка РСФСР
Лия АХЕДЖАКОВА

точно сказать не могу. Мы же ее очень мало видели. Она очень мало сыграла! Она почти ничего не сыграла! Это... гарантийная актриса, понимаете? Какая-то гарантия великой актрисы. А подтверждения этому мало. Несколько эпизодов, несколько фильмов.

— Эльдар Рязанов сказал, что вы не смогли бы сыграть отрицательного персонажа.

— Да? Ему видней, конечно. Понимаете, в нашей профессии возможны две вещи. Можно выявлять, обвинять, вскрывать, препарировать своего героя. А есть другой подход — любить. Вот любовь, на мой взгляд, прозорливей. Если я кого-то играю, в нее влюбляюсь. Я ее люблю прямо до комка в горле. А если не полюбила — ничего не выйдет, что и бывало. Не любишь этого человека — начинаешь его имитировать, искать таких в жизни, какие-то подробности характера, внешности. Самый верный подход — любить. И любить до боли.

Вообще в жизни самое верное — любить. Это самый верный ключ к пониманию, к раскрытиям, открытиям. Вот эта... ненависть, обличение — такого порядка вещи — они все-таки застят глаза и сузят мир. Так это и раньше с детства людям внушали!

— Вы СКАЗАЛИ, что молодежь сейчас раскованная. Что вы имеете в виду?

— Нет, не вся молодежь. Какая-то часть ее невероятно раскованна. Все поколение не может быть однозначно. И одно поколение не может быть похоже на другое. Каждое время диктует свой определенный стереотип поведения. Я больше вас живу, поэтому могу с уверенностью сказать, что это так.

Мы были другими. Вы — посвободнее, не такие закомплексованные.

При этом какая-то часть молодежи устремлена на общественную работу, как-то хочет реализовать через карьеру. Неплохие, кстати, ребята! Но уж очень быстро соображают, где карьерой пахнет.

— Вы это не одобряете?

— Как вам сказать... Я как-то вычитала такую фразу: не иди в широкие ворота, а иди в узкие. Талант не должен лозиться. Актер, который серьезно погружен в профессию, становится беззащитным. Ему и не до всего остального! А человек, который сразу нацелен на самовыявление, самоутверждение, на, будем говорить уже так, карьеру, он сразу широким фронтом берет. Неправильно я говорю? Он чувствует, что надо, понимаете?

— Не рискуем ли мы власть в крайности: человек хочет хорошо работать, добиться успехов, его называют карьеристом; если он хочет модно и красиво одеваться, толкуем о «веещизме»?

— Я же говорю, что не осуждаю этих молодых людей!

Важно не преступить черту, за которой уже не будет места духовности.

Вы посмотрите — один человек умирает оттого, что у него нет кроссовок... Да и я сама буду бегать за сапогами, если у меня их нет! А другой может просто ходить в чем есть и думать только о том, как посмотреть фильм Германа.

Мои симпатии на стороне этого второго человека. Хотя каждый имеет право и на сапоги, и на кроссовки, и на джинсы, на то, что модно и в чем мы хотим нравиться нашим мужчинам, а мальчики хотят нравиться своим девочкам.

— Ваше самое заветное желание?

— У меня столько желаний, и столько заветных, что я даже не знаю, какое из них «самое». Выполнить свой долг перед теми, кого люблю. Это трудно, адски трудно...

— Если бы у вас была абсолютно свободная неделя?

— А у меня бывало так. И очень часто. И вы знаете, — это страшная вещь. На стену лезешь. Но потом ведь есть обязательства в семье, обязательства перед друзьями, перед родителями. Есть гастрол, наконец, кухня. Нет, вопрос о свободной неделе не стоит.

— Что вам больше всего в жизни мешает?

— ...Я сама.

— Какие качества вы цените в партнерах?

— Я спросила у Анатолия Васильева, режиссера, что такое современный спектакль, он ответил — это семья.

Партнер — это тот, кто понимает систему, в которой ты работаешь. Партнер — это твоя семья, ты твой прекрасный. Он не разрушит тот мир, который ты с трудом создаешь. И ты не разрушишь его мир.

— Что вас не удовлетворяет в актерской жизни?

— Не удовлетворяет? Очень многое. Но, может быть, это мои личные ощущения...

Не нравится то, что нас берут режиссеры, когда захотят, и отказываются от нас тоже, когда захотят.

Быть актером — значит иметь терпение. Вот я дождалась, но неизвестно, могу ли я теперь? Слишком долго ждала, когда ко мне придет то, для чего я стала актрисой. А ведь многие не дождались. Я не знаю, дождалась ли Раневская?

Вот это и есть адское терпение — верить в себя, когда в тебя уже никто не верит, когда тебя не хотят снимать в хороших фильмах и снимают в плохих, и ты понимаешь, что низко пал, но работать-то хочется! И продолжать еще верить в себя?!

...После встречи с Ахеджаковой остались магнитофонные пленки, записи в блокноте. Прошло несколько месяцев, прежде чем я решился расшифровать их. Все казалось — бумага обеднит ее образ, на письме трудно будет передать тот ошеломляющий эмоциональный заряд, который так свойствен актрисе.

Позвонил Лии Меджидовне и прочитал этот материал. «Как будто и не я вовсе», — сказала она. — С того времени я сильно изменилась. Другие вопросы меня волнуют. Вы знаете, это как старые фотографии — мы изменяемся, а они хранят тот прежний, выхваченный из жизни миг...».

В. САФРОНОВ.